 © Авторы статьи / Authors of the article

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.82 EDN: YBIPLU

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

Научная статья

Рудь М.Л.[1,] *, Нечаев Д.Ю.[2]

[1] Волгодонский филиал Ростовского Юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация

[2] Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (maximilian87[at]mail.ru)

Предложена: 11.08.2026; Принята: 14.10.2026; Опубликована: 16.10.2026

Аннотация

В статье рассматриваются международно-правовые и уголовно-правовые стандарты противодействия терроризму, сложившиеся в универсальной системе Организации Объединенных Наций и получившие развитие в российском уголовном законодательстве. Анализируются основные направления международной стандартизации: криминализация террористических деяний и их финансирования, развитие механизмов международного сотрудничества, исключение возможности оправдания террористических актов политическими, идеологическими и иными мотивами, а также обеспечение баланса между эффективностью антитеррористических мер и требованиями законности. Исследуется отражение международных обязательств в положениях Уголовного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О противодействии терроризму» и судебной практике Верховного Суда Российской Федерации. Делается вывод о том, что современная модель противодействия терроризму строится на сочетании международных стандартов предупреждения, пресечения, наказания и межгосударственного взаимодействия с внутригосударственными уголовно-правовыми механизмами, ориентированными на раннее пресечение террористической активности.

Ключевые слова: терроризм, международно-правовые стандарты, уголовно-правовые стандарты, противодействие терроризму, финансирование терроризма, международное сотрудничество, уголовная ответственность, международный терроризм, безопасность, ООН.

INTERNATIONAL LEGAL AND CRIMINAL LAW STANDARDS IN COUNTERING TERRORISM

Research article

Rud M.L.[1,] *, Nechaev D.Y.[2]

[1] Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

[2] Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author (maximilian87[at]mail.ru)

Suggested: 11.08.2026; Accepted: 14.10.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

The article examines the standards of international law and criminal law relating to counterterrorism, which have emerged within the universal system of the United Nations and have been further developed in Russian criminal legislation. The main areas of international standardisation are analysed: the criminalisation of terrorist acts and their financing; the development of mechanisms for international cooperation; the exclusion of any possibility of justifying terrorist acts on political, ideological or other grounds; and the maintenance of a balance between the effectiveness of counter-terrorism measures and the requirements of the rule of law. The reflection of international obligations in the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Countering Terrorism" and the case law of the Supreme Court of the Russian Federation is examined. It is concluded that the modern model of counter-terrorism is based on a combination of international standards for prevention, suppression, punishment and inter-state cooperation with domestic criminal law mechanisms aimed at the early suppression of terrorist activity.

Keywords: terrorism, international legal standards, criminal law standards, counterterrorism, terrorist financing, international cooperation, criminal liability, international terrorism, security, the UN.

Введение

Терроризм в современном мире рассматривается как транснациональная угроза международному миру и безопасности, требующая согласованных мер как на международном, так и на национальном уровнях. Международно-правовое регулирование в данной сфере формировалось преимущественно не через единый универсальный кодекс, а через систему секторальных антитеррористических конвенций и обязательных решений Совета Безопасности ООН (ООН — универсальная международная организация, создана в 1945 г. для поддержания мира и развития сотрудничества между государствами. Объединяет 193 страны. Россия — постоянный член Совета Безопасности ООН (правопреемник СССР), обладает правом вето); при этом в рамках ООН длительное время сохраняется курс на дальнейшее развитие всеобъемлющего договорного механизма против международного терроризма. Такая эволюция свидетельствует о том, что современный международный стандарт противодействия терроризму имеет комплексный и

 © Авторы статьи / Authors of the article

многоуровневый характер, соединяя договорные, институциональные и национально-правовые элементы [3], [4], [5], [6].

В основе исследования лежат принципы системности, объективности и историзма. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и логический методы, позволившие проанализировать международные антитеррористические конвенции, резолюции СБ ООН, положения УК РФ и Федерального закона «О противодействии терроризму» в их взаимосвязи. Также применялся анализ судебной практики Верховного Суда РФ.

Основные результаты

К числу базовых международно-правовых стандартов относятся универсальные антитеррористические конвенции ООН, которые закрепляют обязанность государств криминализировать отдельные наиболее опасные формы террористической деятельности. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. направлена на уголовно-правовое пресечение террористических актов, совершаемых с использованием взрывных и иных смертоносных устройств, а Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. устанавливает обязанность государств преследовать предоставление и сбор средств для совершения террористических актов. Последняя также исходит из того, что такие деяния не должны оправдываться политическими, философскими, идеологическими, расовыми, этническими, религиозными или иными сходными соображениями; кроме того, соответствующие преступления рассматриваются как подлежащие экстрадиции и международной правовой помощи [3], [4].

Следующим значимым уровнем стандартизации выступают решения Совета Безопасности ООН, прежде всего резолюция 1373 (2001), которая потребовала от государств предотвращать и пресекать финансирование террористических актов и криминализировать умышленное предоставление или сбор средств для террористических целей. Тем самым антитеррористические стандарты приобрели не только договорный, но и квазиуниверсальный обязательный характер в рамках системы коллективной безопасности ООН. Важным является и то, что резолюция 1373 придала международному противодействию терроризму отчетливо выраженный межгосударственный кооперационный смысл, связав борьбу с терроризмом с обменом информацией, правовой помощью и институциональным мониторингом исполнения обязательств [5].

Существенное развитие международные стандарты получили в Глобальной контртеррористической стратегии ООН, принятой Генеральной Ассамблеей в 2006 г. и проходящей периодические обзоры, последний из которых на уровне официального обзора Генеральной Ассамблеи состоялся в 2023 г. Стратегия важна тем, что она переводит борьбу с терроризмом из плоскости исключительно карательного реагирования в плоскость комплексной государственной и международной политики. В этом контексте международный стандарт включает не только криминализацию и наказание, но и устранение условий, способствующих распространению терроризма, укрепление потенциала государств, развитие международного сотрудничества, а также обязательность уважения прав человека и принципа верховенства права при реализации антитеррористических мер [6].

Уголовно-правовые стандарты Российской Федерации в значительной степени корреспондируют указанным международным подходам. Федеральный закон «О противодействии терроризму» закрепляет базовое определение терроризма и определяет правовую основу национальной антитеррористической системы, а Уголовный кодекс Российской Федерации формирует развернутый комплекс норм об ответственности за террористический акт, содействие террористической деятельности, публичные призывы к терроризму, обучение в целях осуществления террористической деятельности, создание террористического сообщества, организацию деятельности террористической организации и акт международного терроризма. Само наличие в УК РФ статьи 361 об акте международного терроризма подтверждает, что российский законодатель воспринимает терроризм не только как внутреннюю угрозу общественной безопасности, но и как явление, затрагивающее международные отношения и безопасность Российской Федерации за ее пределами [1], [2].

Особое значение в национальной системе имеет статья 205.1 УК РФ о содействии террористической деятельности, поскольку именно через нее реализуется международный стандарт раннего пресечения террористической активности. Российское уголовное право наказывает не только оконченное террористическое деяние, но и вовлечение, вербовку, подготовку, вооружение, финансирование и пособничество. В этом проявляется общая логика международных стандартов: эффективная борьба с терроризмом предполагает разрушение не только исполнительского звена, но и всей организационной, кадровой и финансовой инфраструктуры. При этом судебное толкование Верховного Суда Российской Федерации исходит из того, что ряд террористических преступлений признается оконченным уже с момента совершения действий по вовлечению, публичному распространению призывов или вхождению в соответствующее сообщество, что усиливает профилактическую функцию уголовного закона [1], [7], [8], [9].

Вместе с тем международно-правовые стандарты не сводятся к требованию расширять уголовную репрессию. Из Глобальной контртеррористической стратегии ООН и связанной с ней практики прямо следует, что любые меры противодействия терроризму должны реализовываться с соблюдением прав человека и принципа верховенства права. Это обстоятельство имеет принципиальное значение и для российского уголовного законодательства: чем шире перечень криминализированных форм поведения, тем выше требования к определенности признаков состава преступления, доказанности умысла, разграничению террористической деятельности и иных форм противоправного поведения, а также к недопустимости расширительного толкования уголовного закона. В научной литературе справедливо отмечается, что качество уголовно-правовой регламентации в данной сфере зависит не только от полноты криминализации, но и от точности разграничения специальных антитеррористических составов и общих институтов соучастия [8], [9].

Следовательно, международно-правовые и уголовно-правовые стандарты в противодействии терроризму находятся в отношениях взаимного влияния. Международное право задает государствам обязательные и

 © Авторы статьи / Authors of the article

рекомендательные ориентиры: криминализировать ключевые террористические деяния, перекрывать каналы финансирования, обеспечивать экстрадицию и правовую помощь, развивать кооперацию компетентных органов и соблюдать права человека. Национальное уголовное право, в свою очередь, конкретизирует эти стандарты применительно к внутренней правовой системе, определяя круг преступлений, пределы наказуемости и процессуальные формы их преследования. Для России это означает необходимость дальнейшей гармонизации уголовного законодательства с международными обязательствами при сохранении требований конституционной законности, вины, справедливости и индивидуализации ответственности.

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых аспектов, характеризующих современное состояние международно-правовых и уголовно-правовых стандартов противодействия терроризму, а также обозначить проблемные зоны, требующие дальнейшего осмысления. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму продолжает эволюционировать, сохраняя при этом секторальный характер. Универсальные антитеррористические конвенции — Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. [3] и Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. [4] — остаются фундаментальными договорными актами, задающими обязательные ориентиры для государств-участников. Особого внимания здесь заслуживает эволюция решений Совета Безопасности ООН. Резолюция 1373 (2001) [5] заложила основу квазиуниверсальных обязательств государств по криминализации финансирования терроризма и развитию международного сотрудничества, хотя в последующий период Совет Безопасности и не ограничился этой резолюцией, приняв серию дополняющих актов, среди которых — резолюция 2776 (2025), подтверждающая принципиальное положение о том, что «терроризм не может и не должен ассоциироваться с какой-либо религией, национальностью», которая была принята 3 марта 2025 г. на 9872-м заседании Совета Безопасности и закрепила на уровне СБ ООН антидискриминационный стандарт, имеющий не только политическое, но и правовое значение для национальных правовых систем, включая вопросы квалификации и дифференциации ответственности [10].

Наиболее значимым событием в системе ООН в 2025–2026 гг. является девятый обзор Глобальной контртеррористической стратегии ООН, приуроченный к 20-летию её принятия. Пленарное заседание Генеральной Ассамблеи по девятому обзору состоялось 1–2 июля 2026 г., а проект резолюции «Глобальная контртеррористическая стратегия ООН: девятый обзор» (документ A/80/L.82) был принят поименным голосованием: 140 голосов «за», 3 «против» (Аргентина, Израиль, США) при одном воздержавшемся (Япония). Как отмечается в документах Управления ООН по контртерроризму, все государства-члены участвуют в девятом обзоре Стратегии, который проводится в рамках 80-й сессии Генеральной Ассамблеи (сентябрь 2025 — сентябрь 2026 гг.) [11]. В этой связи показательна позиция Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, который активно включился в подготовку девятого обзора, акцентируя необходимость соблюдения правочеловеческих стандартов при реализации антитеррористических мер. Европейский союз в своей позиции подчеркнул, что эффективная борьба с терроризмом и защита прав человека не являются конкурирующими приоритетами, они взаимодополняют и укрепляют друг друга. Таким образом, международно-правовой ландшафт противодействия терроризму характеризуется тремя взаимосвязанными тенденциями: расширением круга участников базовых конвенций, накоплением и конкретизацией обязательных требований через новые резолюции СБ ООН, а также институционализацией регулярного пересмотра стратегических подходов в рамках Глобальной контртеррористической стратегии, что позволяет адаптировать международные стандарты к новым вызовам.

Российская же уголовно-правовая модель противодействия терроризму в целом сохраняет корреспонденцию с международными стандартами, что выражается в наличии развёрнутой системы специальных составов (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 361 УК РФ и др.) [1]. При этом в 2025 г. произошли существенные изменения, требующие отдельного анализа. Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ внёс в Уголовный кодекс РФ изменения, направленные на усиление уголовно-правовых мер противодействия террористической и диверсионной деятельности [12]. Ключевым нововведением стало снижение до 14 лет возраста, с которого наступает уголовная ответственность за содействие террористической деятельности, организацию террористического сообщества и участие в нём, а также за диверсию. Кроме того, введены новые квалифицирующие признаки с повышенной ответственностью вплоть до пожизненного лишения свободы за склонение несовершеннолетнего к террористической или диверсионной деятельности. Данное изменение поднимает ряд вопросов с точки зрения международных стандартов. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН и практика Специального докладчика по противодействию терроризму и правам человека последовательно подчёркивают необходимость соблюдения прав человека при реализации антитеррористических мер. Снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет за террористические преступления, с одной стороны, соответствует логике раннего пресечения террористической активности, заложенной в ст. 205.1 УК РФ и обоснованной в доктрине [8], [9]. С другой стороны, оно требует повышенного внимания к вопросам вменяемости, доказанности умысла и соразмерности наказания.

Существенным событием в правоприменительной практике стало принятие Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 23 декабря 2025 г. № 43 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [13]. Как отмечается в доктринальных комментариях, Пленум чётко отделяет публичные призывы к деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, от смежных составов — терроризма, публичных призывов к экстремизму и дискредитации. Необходимо отметить, что такое разграничение имеет принципиальное значение для обеспечения определённости уголовно-правовых предписаний и недопустимости расширительного толкования, о необходимости которого справедливо пишут исследователи [9]. Несмотря на общую корреспонденцию российского уголовного законодательства международным стандартам, сохраняется ряд проблемных аспектов. Ускоренное развитие национального антитеррористического законодательства

 © Авторы статьи / Authors of the article

(включая снижение возраста ответственности и расширение перечня криминализированных деяний) требует систематического мониторинга на предмет соответствия принципам законности, вины и справедливости, закреплённым в УК РФ и вытекающим из международных обязательств. Как справедливо отмечается в литературе, качество уголовно-правовой регламентации зависит не только от полноты криминализации, но и от точности разграничения специальных антитеррористических составов и общих институтов соучастия [8], [9].

Девятый обзор Глобальной контртеррористической стратегии ООН в 2026 г. может стать дополнительным импульсом для переосмысления баланса между эффективностью антитеррористических мер и требованиями верховенства права. При этом участие России в этом обзоре, учитывая её статус постоянного члена СБ ООН, предполагает не только пассивное восприятие международных стандартов, но и активное формирование повестки, включая вопросы недопустимости политизации антитеррористического сотрудничества. Практика Контртеррористического комитета СБ ООН, который продолжает проводить оценочные визиты в государства-члены для мониторинга имплементации резолюции 1373 (2001) и других резолюций, свидетельствует о возрастающей роли институционального контроля за исполнением международных обязательств. Для России это означает необходимость дальнейшего совершенствования не только уголовно-правовых, но и административно-правовых, финансово-правовых и процессуальных механизмов противодействия терроризму. Проведённое обсуждение позволяет констатировать, что международно-правовые и уголовно-правовые стандарты противодействия терроризму находятся в состоянии активной динамики. На международном уровне ключевыми событиями являются девятый обзор Глобальной контртеррористической стратегии ООН (2026 г.) и принятие новых резолюций СБ ООН, в частности резолюции 2776 (2025), закрепляющей антидискриминационные стандарты. На национальном уровне — существенное ужесточение уголовного законодательства (Федеральный закон № 420-ФЗ от 17 ноября 2025 г.) и уточнение судебной практики (Постановление Пленума ВС РФ № 43 от 23 декабря 2025 г.). При этом сохраняется фундаментальный вызов: чем шире перечень криминализированных форм поведения и чем ниже возраст уголовной ответственности, тем выше требования к определённости признаков составов преступлений, доказанности умысла и недопустимости расширительного толкования уголовного закона. Дальнейшее совершенствование национального законодательства должно быть связано с системным учётом международных стандартов, выработанных в системе ООН, при сохранении конституционных принципов законности, вины и справедливости.

Заключение

Таким образом, международно-правовые стандарты в противодействии терроризму сформировались как комплекс универсальных договорных и институциональных требований, включающих криминализацию террористических актов и их финансирования, развитие международного сотрудничества, отказ от политического и идеологического оправдания терроризма, а также обеспечение правочеловеческих гарантий при реализации антитеррористических мер. Российские уголовно-правовые стандарты в целом развиваются в русле этих подходов, что выражается в наличии развернутой системы специальных составов преступлений террористической направленности, включая нормы о содействии террористической деятельности и акте международного терроризма. Дальнейшее совершенствование национального законодательства должно быть связано с повышением определенности уголовно-правовых предписаний, укреплением единообразия судебной практики и последовательным учетом международных стандартов, выработанных в системе ООН.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.04.2026).

2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» : [принят Государственной Думой 26 февраля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 г.] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 04.04.2026).

3. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings, adopted by the UN General Assembly on 15 December 1997. — URL: https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-9.pdf (accessed: 04.04.2026).

4. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, adopted by the UN General Assembly on 9 December 1999. — URL: https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-11.pdf (accessed: 04.04.2026).

5. Security Council Resolution 1373 (2001) of 28 September 2001. — URL: https://docs.un.org/s/res/1373(2001) (accessed: 04.04.2026).

6. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy : General Assembly Resolution A/RES/60/288 of 8 September 2006 ; eighth review : General Assembly Resolution A/RES/77/298 of 22 June 2023. — URL: https://www.un.org/counterterrorism/en/un-global-counter-terrorism-strategy (accessed: 04.04.2026).

 © Авторы статьи / Authors of the article

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 04.04.2026).

8. Цепелев В.Ф. Уголовно-правовая регламентация составов «Содействие террористической деятельности» (статья 205^1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и «Финансирование экстремистской деятельности» (статья 282^3 Уголовного кодекса Российской Федерации): современное состояние и возможности совершенствования / В.Ф. Цепелев, М.В. Лелетова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 13. — № 4 (50). — С. 144–150. — EDN JBYOGT.

9. Тарбагаев А.Н. Пособничество террористической деятельности (ст. 2051 УК РФ) / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // Вестник СПбГУ. Право. — 2017. — № 3. — Т. 8. — № 3. — С. 349–359.

10. Resolution 2776 (2025), adopted by the Security Council at its 9872nd meeting, on 3 March 2025. — URL: https://docs.un.org/s/res/2776(2025) (accessed: 11.08.2026).

11. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy : ninth review : General Assembly resolution A/80/L.82, adopted by a recorded vote of 140 in favour to 3 against (Argentina, Israel, United States), with 1 abstention (Japan), on 2 July 2026. — URL: https://www.un.org/en/ga/80/resolutions.shtml (accessed: 11.08.2026).

12. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : [принят Государственной Думой 11 ноября 2025 г. : одобрен Советом Федерации 12 ноября 2025 г.] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518986/ (дата обращения: 11.08.2026).

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 43 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522785/ (дата обращения: 11.08.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 20.02.2026) [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ (as amended on February 20, 2026)] : [adopted by the State Duma on May 24, 1996 : approved by the Federation Council on June 5, 1996] // Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]

2. Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ "O protivodejstvii terrorizmu" [Federal Law of March 6, 2006 № 35-FZ "On Counteracting Terrorism"] : [adopted by the State Duma on February 26, 2006 : approved by the Federation Council on March 1, 2006] // Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]

3. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings, adopted by the UN General Assembly on 15 December 1997. — URL: https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-9.pdf (accessed: 04.04.2026).

4. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, adopted by the UN General Assembly on 9 December 1999. — URL: https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-11.pdf (accessed: 04.04.2026).

5. Security Council Resolution 1373 (2001) of 28 September 2001. — URL: https://docs.un.org/s/res/1373(2001) (accessed: 04.04.2026).

6. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy : General Assembly Resolution A/RES/60/288 of 8 September 2006 ; eighth review : General Assembly Resolution A/RES/77/298 of 22 June 2023. — URL: https://www.un.org/counterterrorism/en/un-global-counter-terrorism-strategy (accessed: 04.04.2026).

7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.02.2012 № 1 (red. ot 03.11.2016) "O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoj napravlennosti" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 № 1 (as amended on 03.11.2016) "On certain issues of judicial practice in criminal cases involving terrorist crimes"] // Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]

8. Tsepelev V.F. Ugolovno-pravovaya reglamentaciya sostavov "Sodejstvie terroristicheskoj deyatel'nosti" (stat'ya 205^1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) i "Finansirovanie ekstremistskoj deyatel'nosti" (stat'ya 282^3 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii): sovremennoe sostoyanie i vozmozhnosti sovershenstvovaniya [Criminal Regulation of the Offenses "Assistance to Terrorist Activities" (Article 205^1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and "Financing of Extremist Activities" (Article 282^3 of the Criminal Code of the Russian Federation): Current State and Opportunities for Improvement] / V.F. Tsepelev, M.V. Leletova // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia]. — 2022. — Vol. 13. — № 4 (50). — P. 144–150. — EDN JBYOGT. [in Russian]

9. Tarbagaev A.N. Posobnichestvo terroristicheskoj deyatel'nosti (st. 2051 UK RF) [Aiding terrorist activities (Article 2051 of the Criminal Code of Russian Federation)] / A.N. Tarbagaev, G.L. Moskalev // Vestnik SPbGU. Pravo [Vestnik SPbSU. Law]. — 2017. — № 3. — Vol. 8. — № 3. — P. 349–359. [in Russian]

10. Resolution 2776 (2025), adopted by the Security Council at its 9872nd meeting, on 3 March 2025. — URL: https://docs.un.org/s/res/2776(2025) (accessed: 11.08.2026).

11. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy : ninth review : General Assembly resolution A/80/L.82, adopted by a recorded vote of 140 in favour to 3 against (Argentina, Israel, United States), with 1 abstention (Japan), on 2 July 2026. — URL: https://www.un.org/en/ga/80/resolutions.shtml (accessed: 11.08.2026).

12. Federal'nyj zakon ot 17.11.2025 № 420-FZ "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" [Federal Law of November 17, 2025 № 420-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation"] : [adopted by the State Duma on November 11, 2025 : approved by the Federation Council on November 12, 2025] // Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518986/ (accessed: 11.08.2026). [in Russian]

 © Авторы статьи / Authors of the article

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.12.2025 № 43 "O vnesenii izmenenij v nekotorye postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po ugolovnym delam" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2025, № 43 "On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases"] // Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522785/ (accessed: 11.08.2026). [in Russian]